

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.10>

Мяо Хуэй, Ван Чжуншэн

ТВОРЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ

В статье рассматриваются различные творческие методы русских литераторов-эмигрантов в Китае. Русские писатели и поэты, жившие в Китае много лет, имели глубокое понимание и осознание китайской культуры, природной среды и социальных проблем. В своих литературных трудах они использовали различные творческие методы, в том числе критический реализм, романтизм, символизм, для того чтобы воплотить элементы китайской культуры в своих произведениях. Научная новизна исследования состоит в детальном анализе произведений русской литературной эмиграции в Китае, а также их смысловой интерпретации, исследовании творческого пути писателей и поэтов, которые отстаивали идеи гармонии мира, гуманистические чувства любви к Родине и стремление к миру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 50-55. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Дата поступления рукописи: 13.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.10>

В статье рассматриваются различные творческие методы русских литераторов-эмигрантов в Китае. Русские писатели и поэты, жившие в Китае много лет, имели глубокое понимание и осознание китайской культуры, природной среды и социальных проблем. В своих литературных трудах они использовали различные творческие методы, в том числе критический реализм, романтизм, символизм, для того чтобы воплотить элементы китайской культуры в своих произведениях. Научная новизна исследования состоит в детальном анализе произведений русской литературной эмиграции в Китае, а также их смысловой интерпретации, исследовании творческого пути писателей и поэтов, которые отстаивали идеи гармонии мира, гуманистические чувства любви к Родине и стремление к миру.

Ключевые слова и фразы: русская эмигрантская литература в Китае; китайская культура; влияние; творческий метод; Г. Качуров; Н. Байков; Л. Хаинрова; Е. Влади.

Мяо Хуэй, к. культурологии, профессор

Цицикарский университет, КНР

Центр исследования славянских стран при Министерстве образования КНР

на базе Института славянских языков Харбинского педагогического университета, КНР

13803619456@163.com

Ван Чжуншэн

Цицикарский университет, КНР

479373367@qq.com

ТВОРЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ

Исследование осуществлено при финансовой поддержке: «Ключевой исследовательский проект по экономическому и социальному развитию провинции Хэйлуцзян (базовый), проект № JDZX2017028».

Исследование осуществлено при финансовой поддержке: «Научный фонд отдела образования провинции Хэйлуцзян, проект № 135309103; № 135309413; № 135309411».

Инновационный научно-исследовательский проект магистрантов провинции Хэйлуцзян, проект № (YJSCX2012-382HLJ).

Русская эмигрантская литература в Китае как определенное течение в литературном творчестве сформировалась в период с конца XIX века по 50-е годы XX века. Она была создана на русском языке на китайской земле теми русскими писателями и поэтами, которые оказались, в силу обстоятельств, в Китае. Их труды сохранили не только отличительные литературные особенности культуры Серебряного века России, но и изменились под сильным влиянием китайской культуры. В них соединилось уважение культуры русского народа с особым местным, китайским колоритом и тоской по дому и Родине, что делает эту эмигрантскую русскую литературу уникальным литературным явлением.

Русские литераторы, оказавшиеся в Китае, вынуждены были учитывать эту особенность в своих произведениях, обогащая свое творчество и методы воздействия на читателей, формируя новую культурную картину мира. Поэтому в теоретическом плане важно выявить такого рода особенности, характерные для литературы восточно-китайской ветви русского зарубежья, которые сложились под влиянием традиционной китайской культуры. Выявление особенностей изображения в русской эмигрантской литературе китайской культуры имеет не только теоретическое, но и **актуальное** практическое значение. С расширением контактов между Россией и Китаем, особенно в рамках проекта «один пояс – один путь», возникает вопрос о возможности взаимного обогащения и путей сближения этих двух культур. Именно здесь практика реализации подобного сближения и обогащения культур России и Китая, которую создала русская литература эмигрантов, имеет актуальный характер.

Русская литература очертила границы и обозначила меру такого рода изменений, а именно, воспроизводя на страницах своих произведений многие элементы традиционной китайской культуры, она оставалась по своему языковому наполнению, основному содержанию и чувству патриотизма глубоко национальной частью русской культуры.

Исследователями была проделана значительная работа по изучению русской культуры эмигрантов и эмигрантской литературы. В частности, в работах Е. Е. Жариковой и Ли Иннань начаты исследования поэзии русского зарубежья, в которой получили свое выражение восточные мотивы и образы Китая. Но глубокое исследование элементов традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе и анализ творческой психологии русских литераторов-эмигрантов пока не проводились. Требуются новые подходы к изучению особенностей представления в русской литературе традиционной китайской культуры – в этом и заключается **научная новизна** данной статьи.

Целью исследования является выявление особенностей литературных произведений русской эмиграции в Китае на материале поэзии Л. Хаинрова, Е. Влади, а также прозы Г. Качурова, Н. Байкова. Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**: выявить и проанализировать характерные особенности изображения в прозе и поэзии русской эмиграции элементов традиционной китайской культуры.

Русская эмигрантская литература в Китае отличается от европейской и американской эмигрантской литературы. Среди европейских и американских писателей оказалось немало русских писателей-эмигрантов. Многие из них занимались литературными переводами, заслужив славу участников диалога культур, отстаивая высокие достоинства своей культуры в инокультурной среде. Они заслужили уважение и признание как активные распространители своих культурных ценностей, предлагая другим народам сокровища своих художественных произведений, новые образы, идеи, методы творчества, приобретая тем самым признательность и благодарность новой читательской аудитории. К таковым можно отнести, например, В. В. Набокова, Б. Ю. Поплавского и других.

В отличие от них, в Китае русские писатели-эмигранты принесли не только свою высокохудожественную русскую литературную традицию, но они также попытались понять и осмыслить новую для них китайскую культуру, приобщить к ней своих русскоязычных читателей, а значит, своеобразным способом освоить ее, внести ее элементы в свою культуру, приспособить их для себя, для более полного понимания новой культурной среды, в которой оказались они и их читатели.

Русские писатели-эмигранты в Китае в основном пользовались методом критического реализма, что было вполне типичным и традиционным для русской прозы начала XX в., поэтому русские писатели-эмигранты продолжили эту традицию в новых условиях. Однако, создавая новые литературные произведения, они переосмыслили этот способ изображения реальности, дополнив его рядом новых приемов.

Для русских писателей в Китае стало характерным внимание к изображению «реальных» условий жизни, прежде всего условий существования «маленького человека», его поведению в обыденности, мечтам, желаниям и поступкам. Их творчество отличало самое тщательное внимание к деталям изображения, которые придавали образу дополнительную жизненность, усиливали его «правду», достоверность и убедительность.

Мы бы могли отнести этот прием к понятию «остранение», введенному в семиотику культуры русским исследователем В. Шкловским. Благодаря этому приему влияние их творений на читателя стало более разнообразным и многоликим. Оно осуществляется по законам красоты, эстетики, а также с моральных позиций, вписываясь в политический ландшафт, в существующие религиозные и философские традиции.

Рассмотрим особенности творчества русских писателей-эмигрантов на примере некоторых из их произведений.

Г. Качуров – русский эмигрантский писатель, поэт, силами исторических обстоятельств оказавшийся в Китае, где и создал многие из своих произведений. Он опубликовал в Шанхае четыре сборника своих трудов: сборник стихов «Искры под пеплом» (1936), «Иви: Эрот» (1936), «Ли-чжоу» (Роман из китайской жизни, 1939) и «Последняя китайка» (Роман из китайской жизни, 1941) [5, с. 137].

Как беглец и изгнанник со своей земли, Г. Качуров видел, что большинство китайцев жили трудной и бедной жизнью, что вызывало у него беспокойство. Стремление жить одной жизнью с приютившим его народом питало его творческое вдохновение. Как эмигрант, который заботился об освобождении Китая, он любит мир, он не только сочувствует и поддерживает справедливую борьбу угнетённой нации, но и с особым глубоким чувством уважения и признательности относится к китайскому народу. Под сильным влиянием китайской действительности, тех новых чувств сострадания и соучастия к судьбе китайского народа и были написаны произведения Г. Качурова. Роман «Ли-чжоу» отразил реальную жизнь Китая в период кардинальных изменений. В романе получили свое развитие размышления русского писателя-эмигранта, стоящего, несомненно, на прогрессивных позициях. Точкой отсчета для Г. Качурова при изображении действительности является гуманизм: в центре его размышлений находится простой китайский работник, его настоящее и возможное будущее.

Роман «Ли Чжоу» был опубликован в 1939 году в Китае, в то время, когда страну захлестнули внутренние и внешние трудности, а люди были несчастливы. Писатель Г. Качуров креативным материалом, на примере небольшого города недалеко от Шанхая, изображает социальные условия жизни людей и особенно бедную жизнь «маленьких людей» нижнего социального слоя. Впервые перед читателем открылся «несчастный мир – в несколько жгучих лет познал мир своей необъятной страны. Миллионы и миллионы наичеловеческих людей орошают узкую извилистую тропу от родного поля до дома; слабо качаясь от тяжести лопат и мотыг, что лежат на плечах; или горящим воспаленным взором от резкого, властного ветра, согнувшись под кормовым веслом, смотря в мутную воду...» [4, с. 162]. На первый взгляд, автор описывает картину, показывающую, что крестьяне идут на работу, но на самом деле он отражает отсталую социальную реальность Китая того времени: работающие люди, чтобы зарабатывать на жизнь, используют слабое тело, чтобы поднять тяжелое бремя жизни и противостоять эксплуатации с разных сторон. Но всё, что они могут, – это только тихо и послушно смотреть на этот хаотичный мир и не иметь никаких мятежных мыслей.

«Многие люди, чувствуя приближение смерти, уползали в узкие улицы и умирали. Чтобы не делать забот родным. Они поняли, что никаких похорон и поминок для них не будет, что никто не будет жечь серебряных слитков и курительных свеч, что плакальщиц не будет на их похоронах, что в другой мир уйдут они к отцам такими же бедными, какими прожили в этом мире, что на другой же день после смерти их семьи займутся своими делами, что девушки, вопреки обычаю, оденут лучшие, яркие одежды и уйдут в город – ночью, если нужно будет достать себе мужчину и заработать денег, что быть может обедневшая семья сразу же продаст младших девочек торговцам женщинами. И гадальщики не будут смотреть в мудрые книги, чтобы назначить время похорон...» [Там же, с. 173].

Кажется, что жизнь и смерть «маленьких людей» нижнего слоя основаны на их судьбе. У них не было ни идеалов, ни стремлений, ни идеи изменения статус-кво. Они не получили хорошего образования и были неграмотны.

«Также видел Ли-чжоу, как молодые женщины опускали в воду мертвых детей, они являлись тяжестью для большой семьи. И иногда, думал Ли-чжоу, если взять всю грязь и воду из канала, то можно будет найти сотню таких детей. Видел, как по утрам легкие, серые тени, обитатели каналов, растаскивали гробы, лежащие по склонам; в больших, черных дырах виднелись тела людей. А по ночам около серых сгнивших досок неподвижно стлыли такие же легкие, быстрые тени голодных собак...» [Там же].

Ли Чжоу увидел, что в таком грязном канале была похоронена маленькая жизнь, что ему было очень прискорбно. Дети должны быть надеждой семьи и будущего общества, а в мире бедных они становятся обременительными. Качуров использовал метод критического реализма, описывая условия жизни китайских «маленьких людей». С одной стороны, писатель призывает общество обратить внимание на судьбу «маленьких людей», и одновременно он критикует равнодушные.

Ли Чжоу сам вырос в такой среде, и его семья тоже была бедной. Ветхие дома находились в аварийном состоянии, и когда шел дождь, «во время подъемов воды бурая грязь подымалась к входу и заливала стену. А кто построил хижину, – сам ли отец, или она досталась ему от деда, Ли-чжоу не помнил» [Там же, с. 165]. С детства ему не хватало семейного тепла. «Свою мать Ли-чжоу плохо знал: смутно вспоминал большую и толстую женщину с резким сильным голосом. Давала ему иногда пинка и носила в дождь по улицам – все» [Там же]. Когда ему было пять лет, его отец стал переезжать из города в город в поисках заработка, Ли Чжоу медленно рос в странствиях, а его маленькая душа страдала от жизненных невзгод. Через несколько лет его отец умер. «Ли-чжоу похоронил отца в старом гробу. Поставил на берегу канала, не имея денег, чтобы достойно справить обычай. И теперь гроб, сгнивший и почерневший от непогоды, серел на склоне. Эти дни Ли-чжоу жил на деньги, которые остались после смерти отца. Он их носил в поясе, их было мало» [Там же]. У него не было возможности похоронить умершего в земле в соответствии с китайскими обычаями. Бедная жизнь подсказала Ли Чжоу идею изменить свою судьбу, поэтому он смог найти работу в магазине в качестве ученика и стал смиренно познавать механизмы управления торговлей. Благодаря своим усилиям и борьбе, через много лет у него уже был собственный магазин. Он ведет бизнес главным образом с небольшой прибылью и за счёт быстрого оборота; постепенно «место его торговли стало известно на других улицах. Он продавал дешево и временами понижал цену. Он продавал каждый день 40 больших палок и стал зарабатывать еще больше» [Там же, с. 189]. По мере улучшения условий жизни он стал полон надежд. Ли-чжоу, имеющий деньги и торговлю, захотел иметь детей, которые помогали бы ему. Дни шли, воздух по утрам становился чистым, как стекло. С ростом бизнеса направление торговли стало меняться, «и Ли-чжоу решил перенести свою торговлю в помещение, в дом» [Там же, с. 234].

В это время у него появилась идея: «...буду учиться. Буду обладать всем необходимым, чтобы хорошо торговать. Выучу ученые книги» [Там же, с. 235]. Чжоу понял, что без знания он не пойдет далеко и не добьется большего успеха. Поэтому он посвятил себя учебе, и его усилия окупались. Через много лет он стал членом бизнес-элиты. Он посетил Ю-Хо-ли с благодарностью.

«Я – богат. Возьми теперь немного. Вернись – щедро отблагодарю тебя, почтенный, ласковый Ю-Хо-ли. И привезу много денег, каких не видел. Возьми. Я имею много. Я имею 27 лавок и через два года у меня будет пятьдесят» [Там же, с. 340].

«Отвернулся от старика. С шапкой в руках тихо пошел по широкой улице. Один, среди густой, звенящей толпы. Возница шел за ним следом» [Там же, с. 341].

«Ю-Хо-ли неподвижно стоял и смотрел вслед. Посмотрел на деньги – опять на удаляющегося Ли-чжоу; он скрывался за углом улицы Ю-лу, согнувшийся и задумчивый» [Там же].

Качуров использовал метод сравнения начала и конца повести, чтобы описать изменение маленького города: улица превращалась из узкой в широкую, воздух становился из загрязнённого свежим, а Ли Чжоу вырос богатым бизнесменом из бедного ребенка. Писателю удалось сформировать идеализированный образ персонажа. Он принимает на себя ответственность не только за правдивое изображение жизни, но и за судьбы людей, прочитавших его произведение и поверивших автору. Изображая действительность Китая, русские писатели не могли оставаться безучастными к его страданиям и бедам, предлагая пути выхода из трудного положения, в котором оказался китайский народ, они брали на себя определённую ответственность за его судьбы и его культуру. Цель состояла в том, чтобы побудить китайцев изменить свое бедственное положение путем борьбы, новшеством, им нужно было иметь свои собственные цели, только через усиленную работу могут быть достигнуты успехи, и это будет зависеть от них самих. Это также показывает гуманистические чувства писателя-эмигранта. Его мысли имеют определенное практическое значение даже сегодня.

Г. Качуров по праву считается специалистом по китайским проблемам [7, с. 36]. Но он, прежде всего, талантливый художник, его произведения обогатили яркую палитру русской эмигрантской литературы в Китае, придали ей очарование и глубокий смысл [6, с. 154].

Г. Качуров всегда придерживался реалистической традиции русской литературы [8, с. 542]. По его мнению, писатель должен быть хорошо знаком со своими героями и теми условиями, в которых они живут. Поэтому вместе с его героями в канву произведения вошло и их культурное окружение, которое несло в себе элементы иной реальности – культуры Китая. Он вместе со своими героями ходит по узеньким улицам, посещает их фанзы, торговые лавки, рынки, хорошо знает быт и нравы, царящие в китайской деревне или городе. Поэтому, естественно, героями его работ стали «маленькие», простые люди, такие как Фун Ин, Юй, Сяо Кан – персонажи повести «Последняя китайка». Темой его творчества по преимуществу стала трагическая судьба «маленьких людей». В своих произведениях он смело указывал на социальный источник их трагической судьбы – социальное неравенство. Он образно, метафорически, писал о том, что жизнь подобна

вагону: кто-то сидит в купе первого класса, кто-то – второго, кто-то – третьего. Именно это социальное неравенство вызывает несчастье бедных, простирающееся от угнетения богатыми [9, с. 102].

На съезде советских писателей Максим Горький определил реализм и романтизм. Реализм – это метод, при котором выдумка – это извлечение основного значения из общей объективной реальности и воплощение ее в образы. Но если извлеченное из объективной реальности значение преобразуется в желательное и вероятное на основании воображаемой логики, что идеализирует художественные образы, то возникает романтизм. Такой романтизм есть основа легенды, он очень полезен, потому что он будит у народа революционное отношение к реальности, стремление преобразовать мир практическими действиями [10, с. 34].

Писатель Н. Байков, создав свое произведение «Великий Ван», получил широкую известность. Он сразу стал знаменитым, его произведение было переведено на многие языки народов мира. Например, его неоднократно публиковали в Японии [13, с. 6]. Используя методы критического реализма и романтизма, он создал не только необычный литературный персонаж – тигра по прозвищу «Великий Ван», – но и смог создать образ, являющийся воплощением всей природы Северо-Востока Китая. В народной мифологии тигр является символом китайской нации. В Китае есть культура Тигра. Тигр – неперенный участник всех торжеств, праздников, церемоний, его образы покрывают и религиозные храмы, и императорские дворцы, он – персонаж китайских сказок, песен, легенд, пословиц и поговорок [12, с. 37].

Н. Байков на страницах своего романа описал поведение многих животных: козла, медведя, бурундука – всего 35 видов животных. Также он упоминает берёзу, липу, женьшень, орех, в общей сложности 25 видов растений [3, с. 2]. Великий Ван издавна жил в гармонии с природой и человеком, но человек разрушает среду его обитания – лес и горы, и между тигром и человеком зарождается конфликт.

Роман Н. Байкова полон глубокой философии [13, с. 10], и его отличает красивый и образный язык. После знакомства с его произведением у читателей возникает стремление побывать в тайге, защищать лес, его растительный и животный мир от разрушения, формируется экологическое сознание. Произведения писателя не потеряли своего значения и сегодня, потому что процесс разрушения природы хоть и замедлился, но продолжается. Его труды обогащают духовную жизнь не только русских эмигрантов, но и читателей других народов и стран. Сегодня они вдохновляют людей на защиту домашнего очага, добрососедство, сочувствие и соучастие. Вместе с другими писателями, которые посвятили свое творчество описанию и защите маньчжурского леса, он изображал тигра, других животных тайги как носителей высших моральных ценностей, совести и доброты, перед которыми человек и человечество остаются в вечном долгу, играя вспомогательную роль. Он инициировал защиту леса, призывал жить в гармонии с животными и растениями. В то время русские писатели уже задумывались о взаимосвязи между человеком и природой, между человеком и экологической средой.

Поэтесса-эмигрантка Лидия Хаиндрова в стихотворении «Расплакавшийся звездный луч» использует в основном символистические методы для создания лирических произведений. Она жалуется на «беспрецедентное» время, которое принесло людям неустрашенность и страдания, бесчисленные социальные беды. Стихи «Ночь прилегла у снежных туч», «Как синий мрак», «Раскашлялся бураном ветер» не могут рассматриваться как отражающие истинное положение дел, они скорее гипертрофируют, преувеличивают безысходность социальной реальности, в конце концов, утверждение «не выйдет солнце на рассвете» отражает эмоциональное состояние поэтессы, а не состояние социальных реалий.

Елена Влади рассматривается как представитель течения, которое получило название «контурный рисунок». Она часто описывает китайский пейзаж до мельчайших подробностей, избегая приукрашивания и лакировки действительности. Ее стихи почти неотличимы от поэзии, которую создавали сами китайские поэты. Стиль поэтессы очень похож на литературу, которая была распространена в северо-восточном Китае [14, с. 76]. Примером могут служить такие ее стихи, как «Маленький рисунок на эмали», «Вспоминание о Харбине».

Русские писатели и поэты, эмигрировавшие в Китай, писали о том, о чём они думали, что волновало их мысли, будило фантазию и мечты. Они свободно переходили от темы к теме, писали о жизни, об общественных деятелях и их трудах, о чувствах, о радостях и огорчениях этой жизни. Никто не заставлял их воспевать советскую или какую бы то ни было другую власть или отдельных её представителей. Художники слова были свободны от внешнего принуждения и руководствовались своим долгом, чувством прекрасного, гордостью мастеров своего дела, и этого было достаточно. В их произведениях можно уловить сожаление по поводу краха старой российской власти или почувствовать радость освобождения от тягот революции, бегства от страданий братоубийственной гражданской войны, от неурядиц интервенции, но можно услышать их плач от тоски по потерянной родине – России. Сквозь строки поэзии и прозы можно увидеть мрачный, настороженный или вопросительный взгляд людей, умудренных жизнью, переживших все и готовых ко всему.

Но это не означает, что у данной литературы не было других направлений, кроме тоски по покинутой родине. На самом деле та литература, которую принесли с собой русские эмигранты, была многогранной и неоднородной, в ней присутствовали различные течения со своими творческими методами, пристрастиями и темами – символизм, акмеизм, футуризм и т.д.

Но преобладающей особенностью, отличающей русскую прозу и поэзию от других течений эмигрантской литературы, была тоска по Родине, тема патриотизма.

Большинство эмигрантов, живших в Китае, любили Россию – свою Родину. Это свойство было для русских эмигрантов всеобщим. Оно характерно было как для простых рабочих, интеллигентов, служащих, так и для бывших дворян или буржуа. Россия – это место, где они родились и выросли, откуда пошел их род. Россия воспринималась ими как родная мать. Любовь к ней – глубока, как море. Родные горы и реки, родные леса и поля, отеческие дома – всё крепко врезалось в их души. Эта любовь как черта национального характера

идет от природы, а жизнь лишь утверждает эту любовь в привычку, в быт, в самосознание. И эту любовь они уже сами передают следующим поколениям как величайшее духовное наследие и богатство. Можно сказать, что среди русских писателей-эмигрантов не было ни одного, кто бы ничего не писал о своей родине.

Жизнь в чужой стране, в чужом краю заставила многих из русских писателей-эмигрантов вспоминать о России постоянно, возвращаться к этой теме вновь и вновь, иногда с сожалением о потерянной родине, иногда – с проклятиями по поводу тех обстоятельств, которые заставили их ее покинуть. Но ни один из них не оставался равнодушным и безучастным к судьбе России. Воспоминание о прошлой жизни и привязанность к Родине стали главной темой русской эмигрантской литературы в Китае. Эти произведения не только выразили авторскую любовь к русской культуре, но и их печаль, боль от разлуки с нею.

В стихах «Дайрен и... Волга» можно прочитать такие строки:

«Я влюблена в тебя, море, надолго,
Пленница зыби твоей.
Ты мне напомнило дальнюю Волгу,
Волгу – царицу полей» [1, с. 109].

Дайрен – это красивый китайский город, окруженный со всех сторон морем. Его среда похожа на родину Ольги Скопиченко. Когда поэтесса увидела море возле Дайрена, она почувствовала глубокое волнение, и ночью, во сне, ей явились образы покинутой ею реки Волги. Воспоминания о Родине, о русской реке Волге были настолько глубоки, что они сохранились глубоко в памяти и даже во сне, в бессознательном состоянии, волновали душу поэта. Это невольное переживание прошлого на чужбине вызвало работу воображения, которое позволило сравнить, сопоставить и объединить два кусочка действительности – реальной, в Китае, и былой, утраченной на давно покинутой Волге, в России. Для поэтессы «великолепная Волга», оставшаяся где-то там, далеко и в прошлом, не менее реальна, чем кусочек моря близ Дайрена, и та зыбь, которая качает корабль эмигрантов, также достойна украшения и восхищения [15, с. 116]. Волга, символ России, занимает в сердце поэтессы важное место, оставаясь стимулом и мотивом ее творчества. Вчитаемся в строфы, созданные русской поэтессой Лидией Хаиндровой:

«Горсть земли»:
«Когда пришел из моей страны
На память горсть земли принес оттуда!
<...>
Пылающим костром была страна...
Без сна лежу. Как больно слезы ранят!
Опять с тобою мы лежим без сна,
Моя сестра, всепомнящая память» [2, с. 56].

Прочитав стихотворение, читатели мгновенно могут почувствовать грусть и тоску, которые охватили поэтессу, трагизм ее судьбы, ее одиночество без друзей, без родных и близких, постигшее ее на чужой земле. В России горсть простой русской земли являлась обыкновенным и мирским предметом, но для поэтессы, которая оказалась вдали от Родины, эта горсть земли бесконечно дорога и близка как сакральный символ покинутой Родины. Она «без сна лежала», потревоженная «вспомнящей памятью», мысленно переносясь в страну, которая была «пылающим костром».

Культурная идентичность, особый жизненный опыт и уникальные эмоциональные переживания русских писателей-эмигрантов отличают их от местных писателей и писателей зарубежных стран, в которых они побывали. В результате их работы обладают уникальным «экзотическим настроением», которое свежо и привлекательно как для местных читателей, так и для читателей стран, в которых они были, создавая многочисленную аудиторию. Китайская жизнь, китайская культура и китайский язык обогатили культурный мир писателей. «Литературные достижения эмигрантских писателей неоспоримы. Эти произведения являются частью литературного наследия Серебряного века» [16, с. 118].

Культурная и литературная деятельность русских эмигрантов воплотилась в ряде произведений, которые оставили глубокий след в истории культуры, в истории обмена и взаимообогащения культурными ценностями Китая и России.

Список источников

1. Ли Яньлин. Серия литературы русских эмигрантов в Китае: в 10-ти т. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. Т. I. 526 с.
2. Ли Яньлин. Серия литературы русских эмигрантов в Китае: в 10-ти т. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. Т. II. 706 с.
3. Ли Яньлин. Серия литературы русских эмигрантов в Китае: в 10-ти т. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. Т. III. 602 с.
4. Ли Яньлин. Серия литературы русских эмигрантов в Китае: в 10-ти т. Пекин: Китайская молодёжь, 2005. Т. VIII. 545 с.
5. Мяо Хуэй. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае: дисс. ... к культурологии. Владивосток, 2016. 170 с.
6. Мяо Хуэй. Традиционная китайская культура в русской эмигрантской литературе в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2016. 194 с.
7. 苗慧, 赵建成, 孙忠霞. 解读中国俄侨作家格. 卡丘洛夫中国背景下的创作主题 // 俄罗斯文艺. 2012. № 1. 34-37 页 (Мяо Хуэй, Чжао Цзянчэн, Сун Чжунся. Творческие темы китайского писателя-эмигранта Г. Кочурова на фоне Китая // Русская литература и искусство. 2012. № 1. С. 34-37).
8. 刘利民, 柳·阿·维尔比茨卡娅, 叶·叶·尤尔科夫. 时间与空间中的俄语和俄罗斯文学. 上海: 上海外语教育出版社, 2011. 650 页 (Лю Лиминь, Вербицкая Л. А., Юркова Е. Е. Русский язык и литература во времени и пространстве. Шанхай, 2011. 650 с.).

9. 荣洁. 小人物. 历史. 生态---三位哈尔滨俄侨作家的生平与创作 // 解放军外国语学院学. 2005. № 6. 101-104 页 (Жун Цзе. «Маленькие люди», история, экология. Жизнь и творчество трех русских писателей-эмигрантов в Харбине // Вестник Института иностранных языков НОК. 2005. № 6. С. 101-104).
10. 曲雪萍. 探索“紫丁香”—对摇曳于东方的俄侨女诗人的研究. 硕士学位论文: 050202. 齐齐哈尔, 2012. 69 页 (Цюй Сюэпин. Исследование творчества русских «сирен» – русские поэтессы-эмигранты на Востоке: дисс. ... магистра: 050202. Цицикар, 2012. 69 с.).
11. 李延龄. 兴安岭奏鸣曲. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 黑龙江教育出版社, 2002. 546 页 (Ли Яньлин. Соната над Хинганом. Харбин, 2002. 546 с.).
12. 王志成. 虎文化的象征意义 // 资源与人居环境. 2010. № 3. С. 35-39 (Ван Чжичэн. Символическое значение культуры тигра // Ресурсы и среда обитания. 2010. № 3. С. 35-39).
13. 王亚民. “满洲”密林的生态书写与哲学性思考--以俄侨作家尼. 巴依科夫的《大王》为例 // 沈阳师范大学学报. 2016. № 6. 8-13 页 (Ван Ямин. Экологическое описание и философские размышления о «маньчжурской» тайге – на примере «Великого Вана» русского писателя-эмигранта Н. Байкова // Вестник Шэньянского педагогического университета. 2016. № 6. С. 8-13).
14. 曲雪萍. 论中国俄罗斯侨民女诗人及其作品 // 齐齐哈尔大学学报. 2012. № 4. 75-77 页 (Цюй Сюэпин. О русских эмигрантских поэтессах в Китае и их произведениях // Вестник Цицикарского университета. 2012. № 4. С. 75-77).
15. 刘晓丽. 流寓华北的东北作家的“满洲想像” // 上海师范大学学报. 2008. № 3. 116-120 页 (Лю Сюэли. «Маньчжурское воображение» приехавших на северо-восток Китая писателей // Вестник Шанхайского педагогического университета. 2008. № 3. С. 116-120).
16. 汪介之. 俄罗斯侨民文学与本土文学关系初探 // 外国文学评论. 2004. № 4. 109-118 页 (Ван Цзэцзы. Предварительное исследование взаимосвязи русской эмигрантской литературы и родной литературы // Обзор зарубежной литературы. 2004. № 4. С. 109-118).

CREATIVE SPECIFICITY OF THE RUSSIAN EMIGRANT LITERATURE IN CHINA

Myao Khuei, Ph. D. in Culturology, Professor
Qiqihar University, China

The Centre for the Study of Slavic Countries under the Ministry of Education of the People's Republic of China
on the basis of the Institute of Slavic Languages of Harbin Pedagogical University, China
13803619456@163.com

Wang Zhongsheng
Qiqihar University, China
479373367@qq.com

The article discusses various creative methods of the Russian emigrant literary men in China. The Russian writers and poets, who had been living in China for many years, had deep understanding and comprehension of the Chinese culture, natural environment and social problems. In their literary works, they used different creative methods, including critical realism, romanticism and symbolism, in order to embody the Chinese culture elements in their works. Scientific novelty of the research is in a detailed analysis of the works of the Russian literary emigration in China, as well as their semantic interpretation, the study of the creative way of the writers and poets who advocated the ideas of the world harmony, humanistic feelings of love for the Motherland and aspiration for peace.

Key words and phrases: Russian emigrant literature in China; Chinese culture; impact; creative method; G. Kachurov; N. Baikov; L. Khainrova; E. Vladi.

УДК 82.14

Дата поступления рукописи: 08.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.11>

В статье рассматривается образ России, представленный в стихотворении А. И. Несмелова «Свою страну, страну судьбы лихой...» как собирательный образ русской словесности. До сих пор исследователи были уверены в исключительно трагическом осмыслении ведущей в стихотворении Несмелова литературной темы. Авторы работы убеждены, что в нем важно увидеть не только горестное ощущение потери и одиночества, но и признание позитивной значимости русской литературы. Литературные персонажи, которых называет поэт, ассоциируются с представлением о нравственной силе, высоком достоинстве, духовной стойкости, эстетической одаренности и богатстве чувственного восприятия жизни.

Ключевые слова и фразы: русская литература; литература русского зарубежья; литература восточной ветви русского зарубежья; творчество А. И. Несмелова; тема родины; образ России.

Первушина Елена Александровна, д. филол. н., доцент

Цзан Юньмэй

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
pervushelena@yandex.ru; 1374766721@qq.com

ОБРАЗ РОССИИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. И. НЕСМЕЛОВА «СВОЮ СТРАНУ, СТРАНУ СУДЬБЫ ЛИХОЙ...»

Известно, что литература русской эмиграции, развивавшаяся в Китае, была достойным продолжением классических традиций российской словесности. Китайская исследовательница этого литературного явления